

● 4 стр. ● 20 июня 1972 года ● «НА СМЕНУ!»

О ЦЕННОСТЯХ ИСТИННЫХ И МНИМЫХ

● ГАСТРОЛИ КРАСНОЯРСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Для актеров играть Островского — всегда радость. Играть Аркашку Счастливцева, слугу Карпа или купца Восмибратова, Гурмыжскую или неувядающую сплетницу Улиту... А для зрителей — разве не удовольствие следить за всеми поворотами комедии, столь земной и столь блистательной, и откликаться на движения души персонажей, и слушать их разговоры, которые ведутся на таком сочном, ярком русском языке...

Нынешнее гастрольное лето принесло свердловчанам встречу с одним из лучших произведений А. Н. Островского — комедией «Лес». Ее показал Красноярский драматический театр имени Пушкина, гастрوليрующий в нашем городе.

Спектакль, поставленный режиссером П. Подервянским, отличает, прежде всего, хорошая игра актеров.

Заслуженный артист БССР Б. Уксусов стал подлинным Аркашкой: «шутком гороховым» (так называет его Карп) и умницей, Сганарелем (так он сам себя аттестует) и горемыкой, существом задиристым, несносным, обаятельным, несчастливым — вот какой сложный характер с увлечением лепит артист.

Очень интересно играет Гурмыжскую заслуженная

артистка РСФСР Н. Никифорова. Ее Гурмыжская гораздо моложе, обаятельнее, «интеллигентнее», чем мы привыкли видеть и можно было ожидать в соответствии со сложившимися исполнительскими традициями.

Несчастливцев в исполнении В. Пономаренко стал отнюдь не беспочвенным романтиком, витающим в облаках. Напротив, это практичный, весьма жизнелюбивый человек, уверенно шагающий по жизни. Образ по своему убедителен, хотя нельзя не пожалеть о том, что траектории взлетов в этой роли (а их — несколько, и чтобы их передать, нужен настоящий романтический пафос) — существенно снижены.

Несчастливцев, каким его играет В. Пономаренко, — это энергичный «двигатель» сценической интриги, «сердце» спектакля, но не его душа. Если так можно выразиться, в спектакле вообще произошло некоторое «переселение душ», и на те самые взлеты, которых недостает Несчастливцеву, оказывается способным другой персонаж — Аксюша. Именно эта скромная, незаметная героиня, которой так легко было потеряться в толпе других, гораздо более щедро выписанных персонажей, стала лирическим центром спек-

такля. В исполнении артистки М. Меримсон Аксюша — не «маленький человек», это богато одаренная личность, с незаурядными чувствами, с гордым сердцем. И совершенно понятно ликование Несчастливцева, когда он говорит об Аксюше: «Торжествуй, Аркашка, у нас есть актриса; мы с тобой объедем все театры и увидим всю Россию!».

Финальная сцена второго акта, заканчивающаяся этой репликой, производит сильное и неожиданное впечатление. Несчастливцев произносит свою фразу, стоя на ступеньках беседки. Белые колонны торжественно уходят вверх — мотив не то храма, не то театра; где-то звучит призывный марш; заплаканная Аксюша смотрит на Несчастливцева светло и доверчиво. Ну, в самом деле, Аксюша, ступайте на сцену, служите отныне искусству! И вправду: в этой Аксюше, стоящей на перекрестке своей судьбы, угадываются черты других героинь Островского — юных актрис из «Талантов и поклонников», «Без вины виноватых». Мы как бы услышали прелюдию к их судьбам, но прелюдию светлую, обнадеживающую.

Так кончается второй акт. Напомним, что по пьесе за этой сценой следует объяснение Гурмыжской и Була-

нова в ночном саду — сугубо комедийная сцена, она-то и является кульминационной кондовкой акта. Поменяв две сцены местами, режиссер хотел ярче выявить свой замысел — усилить в комедии ее лирические ноты. Правда, он усложнил этим свои собственные задачи: в третьем акте придется объяснять зрителю, что из планов Несчастливцева ничего не вышло. Аксюша в актрисы идти передумала, предпочтя все-таки замужество. И, следовательно, финал второго акта был своего рода «фальстарт». Но, как бы то ни было, поиски актрисы и режиссера — интересны.

Удачей спектакля стал и Буланов в исполнении артиста С. Юдина. «Алексис» Буланов — молодой человек, недоучившийся в гимназии. Порой он очень сметлив, а порой не очень — тогда, по застарелой привычке двоечника, он морщит лоб, как на уроке какой-нибудь ненавистной ему алгебры и, похоже, испытывает паническое беспокойство. Он искренне не подозревает, что на свете существуют какие-то чувства, великодушные, какая-то там любовь... Это для него тоже вроде алгебры — не доступно разумению, он говорит, откашлявшись и шаркнув ногой: «Прошу вас полюбить меня-с!» — словно

прошение начальству подает. А его скачкообразный, достойный самого Хлестакова, переход от почтительного «Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали?» — к нахальному: «Вот так-то лучше, Рансинька»... Работа С. Юдина подтверждает старую истину о том, что творческого успеха актер добивается там, где он находит и раскрывает в своем герое тип, где он идет по пути художественных обобщений.

Спектакль хорошо оформлен художником В. Алексеевым. Действие разворачивается на фоне огромного панно, сделанного на мотивах осеннего леса: причудливые, яркие желтые, густо-зеленые, красные пятна. Это создает образ мажорный, привольный. Лесному раздолью противопоставлена обкромсанная садовыми ножницами растительность в саду Гурмыжской: искусственные кубы газонов, нелепые шары деревьев, а также стилизованная невеста под какие образцы гигантская гипсовая ваза с георгинами (помните, в пьесе Аркашка восклицает с ненавистью: «Пойду, поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче»). Удачным оформительским приемом раскрываются и образ, и коллизии спектакля. Хозяйка имения сбывает лес купцам, и по-своему она права. Лес ей — как-то не к лицу, куда милее искусственные клумбы...

Об этом противопоставлении подлинного и фальшивого, ценностей истинных и мнимых, характеров цельных, глубоких — и мелких, ничтожных — говорит весь спектакль красноярцев в целом.
Н. ПЛАКСУН.